

НЕОПРАГМАТИЗМ И СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ

В статье рассматриваются неопрагматистские мотивы контингентности, иронии и солидарности в контексте современного направления континентальной философии — спекулятивного реализма. Несмотря на то, что многие представители данного течения неоднократно отзывались о Ричарде Рорти исключительно в критическом духе, их критические стратегии по преодолению репрезентативизма (Рорти) и корреляционизма (спекулятивный реализм) в философии пересекаются во многих важных отношениях. Так, Рорти и Мейясу в схожем ключе подходят к понятию контингентности, лежащем в основе их проектов. Демонстрируется параллелизм контингентности языка и составляющих его словарей у Рорти, с одной стороны, и контингентности мира в описании Мейясу. С точки зрения обоих философов, не существует никакого всеохватывающего сущего ни в рамках языка («метасловарь»), ни в рамках мира («вселенной всех вселенных»). В то же время реалистический аргумент, опирающийся на «проблему доисторического», приведенный Мейясу, который позволяет нам судить о мире как существующем прежде наших о нем суждений, не основываясь при этом на той или иной форме корреляции и/или репрезентации, воспроизводится в неопрагматистском контексте последователем Рорти Робертом Брэндомом. Далее тексты спекулятивных реалистов (Квентин Мейясу, Грэм Харман, Иен Богост, Рэй Брассье) анализируются в статье при помощи понятия иронии с опорой на концепции иронического, предложенные Рорти и Жилем Делезом. В конце статьи рассматриваются социально-философские и этические импликации проектов Рорти и Мейясу. Сходство утопий, выстраиваемых Рорти и Мейясу, позволяет судить о близости Мейясу либеральной идеологии.

Ключевые слова: неопрагматизм, спекулятивный реализм, Ричард Рорти, Квентин Мейясу, антирепрезентативизм, контингентность, ирония, сообщество, социальная философия, утопия.

1. Введение. Стоит лишь взглянуть на материалы первой конференции по спекулятивному реализму [1], как становится ясно, что четверка спекулятивных реалистов относится к Ричарду Рорти с большой долей иронии.

Начинается все с замечаний Рэя Брассье про то, что сведение научного дискурса к дискурсу, подобному другим дискурсам, «просто способам говорить», превращает философа в Рорти и что следует избегать крайностей как рортианства, так и гуссерлианства [1, с. 320]. Тему подхватывает Иэн Грант, задумываясь, есть ли разница между хоббитом и кварком: «...или, если уж на то пошло, между Рорти и Гуссерлем! А правда, есть ли разница?» [1, с. 321]. На что Грэм Харман отвечает, что разница есть и заключается она в важности для Гуссерля интенциональных объектов, а затем Квентин Мейясу предлагает аудитории представить себе рортианца с другой планеты. Рорти здесь — не более чем объект шуток разной степени остроты. И сам по себе никого особенно не интересует. В конце концов, кто он такой в терминологии спекулятивных реалистов? Он сильный корреляционист¹, иными словами, враг. Можно даже подумать, что свести вместе Рорти и спекулятивных реалистов также было бы довольно иронично, как если бы мы вдруг стали выдавать фантазию за действительность.

Но действительность окажется куда более фантастичной, чем мы считали, если обратить внимание на параллели между философскими судьбами Ричарда Рорти и Квентина Мейясу. Оба приобрели известность тем, что восстали против Канта и изобрели новые обобщающие схемы для всей предыдущей истории философии («репрезентативизм» и «корреляционизм»), а впоследствии в литературе стали, что называется, «постфилософами»: постановочным и постконтинентальным соответственно [3]. Оба питали странную любовь к Юму, Гегелю и слову «контингентность». Наконец, оба занимались придумыванием утопий.

Однако, будь Рорти жив, он бы, вероятно, отреагировал на сравнение себя с человеком, благодаря которому во многом и родился спекулятивный реализм как направление, крайне отрицательно. И в названии ему точно не понравились бы оба термина. «Реализм» — потому что спор между реализмом и антиреализмом относится к делу репрезентативизма. «Спекулятивный» — потому что отсылает к *speculum*, зеркалу. Иными словами, получается какое-то зеркало природы, что, как мы помним [4], совершенно недопустимо.

Но, несмотря на это, мы считаем, что антирепрезентативистский проект Рорти и его последователей-неопрагматистов (в частности, Роберта Брэндомо-

ма) во многом предвосхитил борьбу спекулятивных реалистов с корреляционизмом в отношении тех концептуальных ресурсов, которые в ней используются. Наше краткое сопоставление в качестве девиза будет иметь название книги Рорти «Контингентность, ирония и солидарность»², причем каждое из этих трех слов станет заглавием раздела, посвященного той или иной фигуре контингентности, исследованной Рорти, — контингентности языка, контингентности самости или контингентности сообщества — и ее функционированию в логическом пространстве текстов спекулятивных реалистов.

2. Контингентность. Контингентность языка, согласно Рорти, — первичная фигура контингентности, которая лежит в основе двух остальных ее форм.

Говоря о контингентности языка, Рорти всегда имеет в виду контингентность словарей: наследуя Куайну, утверждавшему о наблюдаемой неразличимости между сменой значений и сменой убеждений, Рорти во избежание возможных двусмыслиц вводит в оборот термин *словарь* для описания и обозначения как изменений в языке, понятого как система значений, так и смен теорий как систем убеждений, или полаганий [6, с. 117]. Вкратце позиция Рорти заключается в том, что не существует всеобщего и необходимого словаря, то есть словаря, который включал бы в себя все возможные, прошлые и будущие, словари как частные случаи (далее: «метасловарь»). Но возникает следующий вопрос: не является ли сам этот словарь о словарях (vocabulary of vocabularies) универсальным? Ответ Рорти отсылает к практике, а именно к непредзаданности интересов наших действий.

Все словари равноправны, однако каждый из них рождается в строго определенной практической ситуации, и обычно его содержанием оказывается применение к этой ситуации. Хотя зачастую претензии словаря могут простираться и далеко за пределы «родной» ситуации, тем не менее, ситуация, в которой мы сейчас находимся, может оказаться уже иной, чем та, в которой этот словарь родился, на вопросы которой он отвечал и в которой потому использовался с достаточным успехом. В новой ситуации могут возникнуть другие вопросы, иные требования, цели и задачи, ведь она отнюдь не обязана как-либо совпадать с предыдущей. Переходы к другой ситуации, следовательно, и рождают потребность в других словарях, которые были бы более «адекватны» — не в смысле их лучшего соответствия как отображения того, как все обстоит, но в плане большей эффективности применения данных словарей в изменившихся обстоятельствах.

Метасловарь же попросту невозможен в силу того, что в нем самом еще не содержатся те цели и задачи, которые могут возникнуть у нас в будущем. Он сам принадлежит некоторой ситуации. Пускай он и притязает на то, чтобы относиться ко всем ситуациям сразу, он способен лишь на то, чтобы все остальные ситуации расценивать по образцу и подобию родной, ограничивая универсум возможных ситуаций теми, что соизмеримы с той, которой он удачно отвечает. В языковой практике, однако, мы сталкиваемся с несовместимыми словарями. Словарь о словарях, в свою очередь, — это не метасловарь, поскольку он «не относится ни к чему»: он не относится к конкретной практической ситуации (хотя он и родился в некоторой ситуации, он необычен — не отвечает за приспособление к ней), а в некотором роде возмущается

над ситуациями и принадлежащими им словарями, претендуя, таким образом, на новый уровень — на описание смены словарей, «приспосабливающейся» к смене ситуаций.

Таким образом, о контингентности языка можно говорить в двух тесно прилегающих друг к другу смыслах. Во-первых, контингентно само возникновение словарей в силу их историчности, то есть того *факта*, что они были созданы в той или иной практической ситуации. Во-вторых, контингентность также возникает и в переходе между словарями, в смене одного словаря другим. Категория необходимости, однако, не исчезает бесследно из ситуационных словарей, а остается в пределах каждого из них: каждый словарь, со своей точки зрения, представляется себе абсолютно необходимым, по крайней мере, применительно к родной ситуации (поскольку та, в свою очередь, видится строго определенной), а вообще же данный словарь обыкновенно стремится к тому, чтобы стать метасловарем, пускай это и невозможно, и начинает конкурировать с другими словарями.

Контингентность языка, или языковой практики, у Рорти получает потому своего рода «достаточное основание» в контингентности практики неязыковой. Смена словарей определяется сменой ситуаций, но при этом философия Рорти остается имманентной, поскольку смена ситуаций сама вводится через особый словарь, словарь причин (vocabulary of causes), в той или иной его исторической вариации, которую отмечает словарь словарей. То есть речь в конечном счете ведется о соотношении двух словарей, дополняющих друг друга: «натуралистского», областью которого является объяснение функций словарей, — и «историцистского», заведующего их переводом.

Казалось бы, Мейясу подходит к проблеме контингентности с другого ракурса — чисто эпистемологического. Подобно Канту, он начинает свой философский проект с обоснования истинности утверждений науки. Речь идет конкретно о «проблеме доисторического» — о проблеме истинности суждений по поводу состояния дел, случившихся до появления человека на Земле — тема, которую мы затронем чуть ниже, и о проблеме Юма в ее формулировке как проблемы постоянства физических законов [2].

Если законы природы не-необходимы, то не следует ли из этого, что они должны постоянно меняться? Однако, как аргументирует Мейясу, ссылаясь на математические достижения Кантора в области теории множеств, в данном случае не следует использовать словарь вероятности — не существует вселенной всех вселенных, то есть множества всех возможных «наборов» физических законов. В итоге в «После конечности» Мейясу совершает скачок от логической возможности того, что реальность, данная в опыте, может быть и такой же на самом деле, но и другой тоже, или ее вообще может не быть, — к тому, что это свойство, а именно свойство контингентности («Гиперхаос»), принадлежит реальности самой по себе, вне зависимости от нас. Но что же значит «быть» по Мейясу? «Вещи, люди, события, физические законы, сама корреляция: *быть значит быть определенным* — быть вот этим или тем-то — и таким образом быть способным к тому, чтобы измениться безо всякой на то вообще причины...» [7, с. 137] [Курсив наш. — А. М.].

Если у Рорти речь идет о контингентности языка (словарей), то Мейясу говорит уже о контингент-

ности мира (законов), и между этими двумя контингентностями обнаруживаются небезытересные аналогии. Как не существует словаря всех словарей, так и не существует вселенной всех вселенных, и контингентность ситуации как по Рорти, так по Мейясу заключается в возможности ее перехода в другую ситуацию.

В общем-то, конечно, это и неудивительно, поскольку сильный корреляционизм Рорти — то место, откуда «стартует» спекулятивный материализм Мейясу. Однако наше внимание привлекает невероятная схожесть используемых как Рорти, так и Мейясу терминов, приемов аргументации и делаемых обоими выводов. Можно было бы даже рискнуть предположить, что контингентность мира, или его беспричинность, описанная Мейясу, парадоксальным образом соответствует словарю причин у Рорти. Мейясу, отвергая принцип достаточного основания на глобальном уровне, позволяет ему действовать местным образом: беспричинность заложена в переходе от одного набора законов к другому, однако в пределах ситуации с определенными законами все сущее им подчиняется. Как нам кажется, похожим образом у Рорти «ведут себя» ситуации, служащие причинами наших действий, — нельзя сказать, будто бы их смена была буквально, а не метафорически, на чем-то «основана».

Но для Мейясу одна из основных проблем состоит в том, может ли язык — или, по крайней мере, научный словарь — служить буквально картиной мира, ведь «в доисторическом есть странное сопротивление любой анти-корреспондентной модели [истинности]» [8]. И Рорти бы, пожалуй, не одобрил здесь подхода Мейясу, поскольку тот фиксируется на научном словаре и понимает его как репрезентативный словарь, стремящийся к объективному описанию реальности как она была, есть и будет. Однако означает ли подчинение языка чему-то внешнему по отношению к нему автоматическое принятие нами репрезентативистской установки? Иными словами, может ли язык указывать на нечто так, чтобы при этом не служить его изображением?

Следует заметить, что сама проблематика репрезентации возникла все-таки не на пустом месте — репрезентация была плохим ответом на достаточно хорошо поставленный вопрос. Как пишет Брэндом, беда репрезентации заключалась в том, что та пыталась соответствовать и отношениям внутри словаря, и отношениям между словарем и внешней ему средой (будь то в форме вещей или в форме практики, то есть в форме того, что бы греки называли *pragmata*), тогда как оба вида перечисленных отношений описываются в различных терминах [6, с. 123]. Но какой еще вариант ответа можно предложить, причем так, чтобы им был доволен и Мейясу?

Поведав вначале, как Рорти в своей философии планомерно избавляется от таких понятий, как «истина» и «факт», Брэндом путем обращения к проблеме доисторического пытается продемонстрировать, как эти же понятия могут быть в ней реабилитированы³. С одной стороны, «прежде чем появились люди, здесь [во вселенной] не было никаких истин, а значит, и никаких истинных утверждений (*true claims*), и никаких фактов». С другой стороны, то, что актов, утверждающих истину (*true claimings*), не было до появления словарей, делающих их возможными, еще не означает, будто бы прежде словарей не существовали факты, способные быть предметом утверждений (*true claimables/true claimed*) [6, с. 125]. В пику восприятию Рорти

как сильного корреляциониста Брэндом заявляет, что в рамках философии Рорти можно уверенно говорить о том, что до появления человека, который только и может выразить мысль о существовании мира, мир все-таки существовал.

Так что, следовательно, утверждения о существовании мира до человека истинны вообще, а не только «для нас». Но при этом связь между *выводом* о том, что мир существовал, не сводится к *соответствию* его содержания «архи-ископаемым» фактам о том, что мир существовал, — скорее уж наоборот, речь идет скорее о том, как сами факты, будучи *true claimables*, выступают в качестве резонансов для обоснования наших полаганий в инференциальной теоретической практике. Не вывод объясняется через репрезентацию, а, наоборот, репрезентация через вывод. Именно инференциализм в отношении репрезентации, предложенный Брэндом, позволяет, в частности, Брасье говорить о соотношении понятий и объектов, не «скатываясь» при этом в корреляционизм [10].

3. Ирония. Ирония как философская позиция — важный этап в становлении как Рорти, так и спекулятивных реалистов. Прояснить данный момент нам помогает обращение объектно-ориентированных онтологов в лице Хармана и Богоста к словарю иронии в версии Делёза и Рорти соответственно.

Харман пишет, что существует всего два основных вида критики, которую можно было бы назвать интересной, — радикализация и инверсия — и они соответствуют иронии и юмору в делёзианской интерпретации [11, с. 260 и далее]. Мейясу, с точки зрения Хармана, — скорее «ироник», чем «юморист»: в борьбе с корреляционизмом Мейясу решает радикализировать корреляционизм изнутри, то есть взойти до оснований корреляционизма и ниспровергнуть их, тогда как Харман предпочитает интенсифицировать корреляционизм до той степени, когда он обращается в собственную противоположность [12, с. 87–89].

Продолжая в целом логику Хармана, мы бы добавили, что ирония в делёзианском смысле достигает кульминации у Мейясу тогда, когда тот в «После конечности» восстает против принципа достаточного основания как такового. Хотя, как мы уже отметили ранее, этот принцип и не исчезает у Мейясу совсем, а остается действовать на местном уровне внутри мира, обеспечивая его теми или иными законами, принцип достаточного основания скрывает за собой более высокий принцип, Гиперхаос, который работает уже на вне- или межмиром уровне⁴. Как бы выразился Харман, Мейясу — *гипер-окационалист* [13, с. 144]: если окационалист, исследующий взаимодействия в мире тел, сводит достаточное основание для них только лишь к высшему принципу по имени Бог, то для Мейясу таким высшим принципом оказывается беспринципность *per se*.

Заметим, что, в свою очередь, ирония по Рорти может существовать только при условии контингентности словарей, ведь Рорти называет «ироником» того, кто «всегда радикально и беспрестанно сомневается в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время» [5, с. 108]. Поскольку контингентность словарей запрещает всякую возможность существования «нейтрального метасловаря», то ироник всегда вынужден быть готовым к тому, чтобы сменить свой словарь на новый, более эффективный. Как замечает Иен Богост, под ироником Рорти, несомненно, имел в виду только

человека, однако «само понятие иронии интересным образом перекликается с понятием ускользающего объекта, никогда не раскрывающего себя полностью, и с понятием *окказионалистского* объекта, никогда не способного исчерпать чувственный объект, с которым он взаимодействует» [14].

Объект у Хармана и Богоста постоянно ускользает от человеческого и нечеловеческого восприятия и познания, и хотя это ускользание вовсе не означает принципиальной неопределенности объекта, отсутствия у него некоего твердого сущностного ядра, объект не может быть исчерпан описывающим его словарем. Точно таким же образом тот факт, что ироник имеет свойство оказываться чаще всего интеллектуалом гуманитарного склада мышления, ни в коем случае не является для ироника детерминацией в последней инстанции: «это лишь случайное его свойство, которое исчерпывает полноту его бытия не более чем огонь исчерпывает свойства хлопка у *окказионалиста*». По словам Богоста, ироник скорее не прагматист, а реалист, поскольку «он врывается в место, называемое Квентином Мейясу „великим внешним“, в котором Ричард Рорти восхищался птицами, а не пропозициями» [15].

Использование термина «ирония» у Хармана и Богоста налаживает связь между Мейясу и Рорти посредством отсылки их обоих к проблематике *окказионализма* и *скептицизма*⁵. Аналогичным образом возникает и связь между словарем иронии Рорти и словарем, который предложил Бергсон и в дальнейшем развил Делёз.

Согласно Харману, Бергсон и Делёз — подрывники (*underminers*) объектов: множественность субстанций, самих по себе не способных к тому, чтобы взаимодействовать, но при этом все-таки взаимодействующих, они сводят в итоге к единому принципу — виртуальному, которое воплощает в себе как континуальность, так и разнородность. Бергсон и Делёз являются поэтому своего рода наследниками *окказионалистической* традиции в философии. И мы смеем предполагать, что произведенная нами только что спекуляция позволяет рассматривать рортианский и делёзианский словари иронии как части некоего общего словаря иронии — пускай даже этот общий словарь был только что создан, а не открыт, что Рорти бы безусловно приветствовал.

Как пишет Бергсон, «иногда, притворяясь, говорят о должном, как о существующем в действительности: в этом состоит ирония» [17, с. 166]. Это может вызвать ассоциации с концепцией символизации, то есть «вписывания» ценностей в бытие, которая была описана Мейясу в его диссертации [18, с. 193 и далее]. Но еще лучше, как нам кажется, данная формулировка отлично подходит к рортианскому проекту *элиминативного материализма* 1960–70-х гг. [19], отголоски которого сохранились в «Философии и зеркале природы» [4]. Ведь, согласно Брэндому, суть проекта состояла вовсе не в том, чтобы показать большее соответствие между словарем нейронаук и реальностью как она есть, а то, что использование именно данного словаря может в итоге оказаться гораздо удобнее и предпочтительней опоры на картезианские различия. Ирония Рорти в том, что его считают натуралистом, хотя он скорее антифундаменталист: даже предложенный им *нейрословарь* не является единственным возможным, необходимым и постоянным. Так, у греков не было субъекта (вместо этого они обладали «*psyche*»), однако стоило приложить усилия

Декарту, как мы, люди после Нового времени, теперь обладаем картезианским сознанием.

Точно таким же образом путем социальной практики мы можем сделать *элиминативизм* правдой, «реальностью как она есть на самом деле», просто ведя себя и говоря друг с другом так, как если бы мы вообще не были субъектами. Однако сам механизм введения нового словаря позволяет возникнуть в будущем другому несоизмеримому словарю. Рорти рвет скорее не с картезианским или античным словарем, а с претензией каждого нового словаря на конечность и универсальность, на окончательное определение «человеческой природы». А суть человеческой природы состоит в ее контингентности, в ее самосозидании, — то есть, как бы странно это ни звучало, в том, чтобы она не обладала некой четко определенной, раз и навсегда данной сутью, резюмирует Рорти.

Рэй Брассье также обращается к идеям *элиминативного материализма*, опираясь, правда, не на Рорти, а на Пола Чёрчленда. Хорошо известна разница между двумя *элиминативизмами*: Рорти скорее говорил об *элиминации* того, что бы сейчас назвали «*квалиа*», а Чёрчленд — об *элиминации пропозициональных установок* типа убеждений или желаний. Однако общая их идея заключалась в том, чтобы текущий словарь ментального, ведущий свое происхождение от Декарта, заменить на словарь нейронаук. Важная разница между *элиминативизмами* Рорти и Чёрчленда заключается не в предмете *элиминации*, а в мотиве смены словаря: если для Рорти словарь нейронаук представляется наиболее удобным в данной ситуации (хотя в другой ситуации все могло бы быть и наоборот⁶), то для Чёрчленда *нейрословарь* лучше отражает реальность. Иными словами, если *нейрословарь* Рорти остается на стороне изобретения, то *нейрословарь* Чёрчленда — на стороне открытия.

Кажется, что и цель «методологического натурализма» Брассье в том, чтобы обосновать претензию науки на схватывание реальности. Подобное стремление к объективности требует, в свою очередь, радикальной *десубъективизации* и *деантропоморфизации* научного знания — потому Брассье и обращается к *ультрасциентистскому элиминативизму* Чёрчленда. Он ставит недавние успехи в нейронауках в ряд с тремя унижениями человеческого *нарциссизма* по Фрейду — *коперниканским переворотом*, теорией эволюции Дарвина и психоанализом — подчеркивая, правда, что нейронауки в данном ряду послужили бы скорее заменой, а не наследниками, психоанализа. Мы, однако, полагаем, что цель проекта Брассье несколько иная — в своей борьбе против различных вариантов философии, основанных на той или иной форме интуиции, в том числе феноменологии, он опирается на *элиминативизм* затем, чтобы показать, что человеческая рациональность никоим образом не ограничивается прокрустовым ложем «субъективного опыта» [20, с. 257].

И тогда становится понятно, почему помимо Чёрчленда одной из референтных фигур Брассье становится Брэндом, известный своим *антинатурализмом*. Как это комментирует Питер Вульфендейл, который во многом разделяет позиции «нормативного *нигилизма*» Рэя Брассье, *элиминативизм* Чёрчленда и *антинатурализм* Брэндома — это странная, но замечательная пара. Измерение нормативности, «логическое пространство резонансов» (У. Селларс), тем и примечательно, что оно вообще не имеет ни-

какого бытия, которое бы фиксировалось в данном (given) в широком смысле слова — в эмпирическом данном, в формах интуиции, в структуре феноменологического субъекта [21]... И в таком смысле суть человеческой рациональности состоит, опять-таки, в ее *нарочитой* контингентности, в том, что она не имеет никакой фиксируемой сути.

Противоречие же между «изобретающим» элиминативизмом Рорти и «открывающим» элиминативизмом Чёрчленда, который используется у Брассье, можно снять следующим образом: если элиминативизм станет повсеместной практикой, то у Декарта и его современников ретроспективно не станет картезианской субъективности, как и у греков — *psyche* после Декарта. Элиминативизм можно сделать не только настоящим, но и былью. Фиксированность человеческой природы снимается из самого ее прошлого, которое также становится контингентным: мы переоткрываем у греков свои изобретенные словари. Как нам кажется, примерно в этом состоит смысл вводимого Мейясу понятия символизации и значение его повествования в «Божественном несуществовании» о сменяющих друг друга символах (космологическом, натуралистическом и историческом) [18]. Однако эта тема требует отдельного исследования.

4. Солидарность. Итак, эпистемологическая проблематика приводит Мейясу к тому, что контингентность как таковая является уже свойством реальности как она есть, то есть знание о ней есть абсолютное знание, и только сама контингентность и не является контингентной — подобно словарю о словарях у Рорти. И отсюда Мейясу с необходимостью приходит к вопросу о практике.

Одной из фигур контингентности по Мейясу оказывается положение, согласно которому необходимо существует скорее нечто, а не ничто, чтобы оно могло стать иным или перестать существовать. Таково положительное определение материи как эффекта Гиперхаоса. Негативное определение, в свою очередь, состоит в том, что материя размечает не-живое и не-мыслящее сущее. Жизнь и мысль, как поясняет Мейясу, являются уже последующими надстройками над материей, контингентными «пришествиями» (*surgissements*) *ex nihilo*. Материя, жизнь и мысль составляют три основных несводимых друг к другу онтологических порядка, каждый из которых можно назвать Миром. Внутри каждого из этих Миров также может происходить некоторое непредсказуемое, абсолютно ничем не детерминированное пришествие, например, появление нового биологического вида в Мире жизни. Но внутримировое пришествие представляется не столь радикальным, сколько пришествие нового Мира.

И после пришествия Мира мысли возможно и мыслимо пришествие еще одного Мира, отличного от всего, что было раньше, — Мира справедливости, отменяющего как мертвых, так и смерть в целом [18, с. 190]. Разумеется, его приход опять-таки никак нельзя предопределить, поскольку он является контингентным эффектом Гиперхаоса. Но, как предполагает Мейясу, мы, тем не менее, можем при помощи своего желания, осуществленного в действии, на практике, приблизить его приход. Именно на основе контингентности как необходимым свойстве реальности можно выстроить некоторую этику, состоящую в обуславливании грядущего сообщества четвертого Мира справедливости и солидарности. Это грядущее сообщество людей как рациональных сущих является в своем роде ги-

перлиберальным — мертвые уравниваются в правах вместе с живыми, и целью является всеобщее воскрешение и бессмертие.

Предыдущие повествования Мейясу о науке, о контингентности и тому подобном можно рассматривать как пролегомены к построению такой этической теории — и здесь-то, как нам кажется, и вскрывается его прагматизм. Ведь, несмотря на то, что пришествие четвертого Мира казуально независимо от наших действий, мы можем надеяться и своими действиями продлевать эту надежду, и в итоге это пришествие оказывается а-казуально, беспричинно все-таки зависимым от наших действий (как солидарность и возникновение либерального общества у Рорти), которые способны пусть не основывать, но обуславливать и приближать к себе это будущее.

Важно отметить имманентность утопии Мейясу — условием будущих бессмертия и воскрешения оказывается также несуществование трансцендентного Бога, которое можно понять в духе Рорти не столько как утверждение о мире, но как практический постулат. За свои действия несем ответственность мы сами — и перед самими собой, а не перед некоей нечеловеческой божественной реальностью: по принципам прагматизма нам не на кого пенять, кроме как на самих себя, хотя и не в нашей власти знать точно, как реализуются наши поступки в будущем.

В мире либеральной утопии Рорти, где правит сознание контингентности, словарь необходимости тоже существует, но наравне с другими претендующими на всеобщность словарями — так, существует платонический словарь у радикальных антиплатоников, хотя он и непрacticен. «Воскрешение всех мертвых» возможно только тогда, когда в обществе принят политический словарь, солидарность которого не основана на идеологии, которая контролировала бы полностью его прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, именно политический проект Рорти — либеральный иронизм — позволяет избежать избирательности и детерминированности в том, кого угодно воскрешать, а кого нет. Философский проект Мейясу и его утопия во многом продолжают либеральные тенденции Рорти — и потому весьма и весьма иронично, что читательская аудитория Мейясу по большей части лево-ориентированная.

Примечания

¹ Спекулятивных реалистов объединяет противостояние следующему ходу мысли: «Под „корреляцией“ мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы будем называть „корреляционизмом“ любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом» [2, с. 11]; «Сильная модель корреляционизма, напротив, считает, что не только неправомерно претендовать на *познание* „в-себе“ [Как делает слабая модель. — А. М.], но и *равно* неправомерно претендовать на возможность *помыслить* его» [2, с. 46] [Курсив автора].

² Мы предпочитаем переводить заглавие книги Рорти [5] именно так по причинам, которые станут ясны в дальнейшем.

³ Правда, сам Рорти был не вполне согласен с интерпретацией его текстов Брэндомом в отношении этого сюжета [9]. Однако мы не собираемся касаться данной темы в статье.

⁴ Ср.: «Закон [для иронии] есть лишь вторичная и делегированная власть, он зависит от высшего принципа...» [11, с. 260].

⁵ Пускай Харман вначале и охарактеризовал Мейясу как «гипер-окказионалиста», впоследствии он склонился к оценке его философии как наследницы юманистского скептицизма. Скептицизм по Харману — это окказионализм наизнанку: «Юм и Мальбранш представляют нам противоположные версии одной и той же проблемы» [16, с. 89]. Мы полагаем, что Харман также скорее назвал бы Рорти «скептиком», а не «окказионалистом» — и был бы полностью прав.

⁶ Ср.: «Можно вообразить, что в иной культурной среде нейрофизиологический язык будет обычным языком повседневной жизни, а „менталистский“ — его „научной альтернативой“» [19, с. 119] (пер. И. Джохадзе).

Библиографический список

1. Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. *Speculative Realism // Collapse*. 2007. Vol. III. P. 307–449.
2. Рорти Р. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 296 с. ISBN 5-7615-0404-9.
3. Brandom R. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2011. 219 p. ISBN 9780674058088.
4. Meillassoux Q. *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign // Genealogies of Speculation: Materialism and Subjectivity since Structuralism / Eds.: A. Avanesian, S. Malik. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 117–198. ISBN 9781472591685.*
5. Ennis P. J. *Post-Continental Voice: Selected Interviews*. Winchester, UK: Zero Books, 2010. 112 p. ISBN 184694385X; 978-1846943850.
6. Мейясу К. *Время без становления / пер. А. Писарева // ГЦСИ*. URL: http://ncca.ru/app/mediatech/file/Quentin_Meillassoux.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
7. Брассье Р. *Понятия и объекты // Логос*. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 227–262.
8. Harman G. *Meillassoux's Virtual Future // Continent*. 2011. Issue 1.2. P. 78–91.
9. Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 240 p. ISBN 9780748693450; 9780748699957.
10. Рорти Р. *Случайность, ирония и солидарность*. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с. ISBN 5-7333-0494-4.

11. Bogost I. *Remembering Rorty // Ian Bogost*. URL: <http://bogo.st/1> (дата обращения: 21.03.2020).

12. Мейясу К. *После конечности: эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 193 с. ISBN 978-5-7525-3069-2.

13. Bogost I. *We Think in Public // Ian Bogost*. URL: <http://bogo.st/k> (дата обращения: 21.03.2020).

14. Бергсон А. *Собрание сочинений*. В 5 т. СПб., 1914. Т. 5. 224 с.

15. Rorty R. *In Defense of Eliminative Materialism // Review of Metaphysics*. 1970. Vol. 24, no. 1. P. 112–121.

16. Morelle L. *Speculative Realism: After Finitude, and Beyond? // Speculations*. 2012. Vol. III. P. 241–272.

17. Wolfendale P. *Eliminativism and the Real // Deontologistics*. URL: <http://goo.gl/eNqd4> (дата обращения: 21.03.2020).

18. Rorty R. *Response to Robert Brandom // Rorty and His Critics / Ed. R. Brandom*. Oxford: Blackwell, 2000. P. 183–190. ISBN 978-0631209829; 0631209824.

19. Харман Г. *О замещающей причинности // Новое литературное обозрение*. 2012. № 2 (114). С. 75–90.

20. Фрейд З., фон Захер-Мазох Л., Делёз Ж. *Венера в мехах*. Представление Захер-Мазоха. 1992. С. 189–314. ISBN 5-8334-0007-4.

21. Meillassoux Q. *Excerpts from L'Inexistence divine // Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making / G. Harman*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 175–218. ISBN 9780748693450; 9780748699957.

МОРОЗОВ Артем Владимирович, младший научный сотрудник сектора социальной философии.

Адрес для переписки: morozov.socphil@yandex.ru

Для цитирования

Морозов А. В. Неопрагматизм и спекулятивный реализм // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 129–136. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-129-136.

Статья поступила в редакцию 23.03.2020 г.

© А. В. Морозов

NEOPRAGMATISM AND SPECULATIVE REALISM

The article deals with neopragmatist themes of contingency, irony and solidarity in the context of the contemporary movement in continental philosophy, speculative realism. Despite the fact that many representatives of this trend have repeatedly spoken about Richard Rorty exclusively in a critical spirit, their critical strategies, which aspire to overcome representationalism (Rorty) and correlationism (speculative realism) in philosophy, intersect in many important respects. Thus, Rorty and Meillassoux approach the concept of contingency that underlies their projects in a similar vein. There is a parallelism between the contingency of language and its constituent vocabularies in Rorty, on the one hand, and the contingency of world in Meillassoux, on the other. From the point of view of both philosophers, there is no all-encompassing entity, either within language («meta-vocabulary») or within the world («universe of all universes»). At the same time, the realistic argument based on the «ancestrality problem» (formulated by Meillassoux), which allows us to make judgments about reality as a reality which pre-exists our judgments about it without relying on some form of correlation/representation, is reproduced in a neopragmatist context by Robert Brandom, the follower of Rorty. The texts of speculative realists (Quentin Meillassoux, Graham Harman, Ian Bogost, Ray Brassier) are then analyzed in terms of the concept of irony. At the end of the article the social-philosophical and ethical implications of the projects of Rorty and Meillassoux are considered. The similarity of the utopias built by Rorty and Meillassoux allows us to conclude that Meillassoux's project is very close in his spirit to liberal ideology.

Keywords: neopragmatism, speculative realism, Richard Rorty, Quentin Meillassoux, anti-representationalism, contingency, irony, community, social philosophy, utopia.

References

1. Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. *Speculative Realism // Collapse*. 2007. Vol. III. P. 307–449. (In Engl.).
2. Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]*. Novosibirsk, 1997. 296 p. ISBN 5-7615-0404-9. (In Russ.).
3. Brandom R. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2011. 219 p. ISBN 9780674058088. (In Engl.).
4. Meillassoux Q. *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign // Genealogies of Speculation: Materialism and Subjectivity since Structuralism / Eds.: A. Avanesian, S. Malik. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 117–198. ISBN 9781472591685. (In Engl.).*
5. Ennis P. J. *Post-Continental Voice: Selected Interviews*. Winchester, UK: Zero Books, 2010. 112 p. ISBN 184694385X; 978-1846943850. (In Engl.).
6. Meillassoux Q. *Vremya bez stanovleniya [Time without Becoming] / trans. A. Pisarev // GTSSI [NCCA]. URL: http://ncca.ru/app/mediatech/file/Quentin_Meillassoux.pdf (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).*
7. Brassier R. *Ponyatiya i ob"yekty [Concepts and Objects] // Logos. Logos*. 2017. Vol. 27, no. 3 (118). P. 227–262. (In Russ.).
8. Harman G. *Meillassoux's Virtual Future // Continent*. 2011. Issue 1.2. P. 78–91. (In Engl.).
9. Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 240 p. ISBN 9780748693450; 9780748699957. (In Engl.).
10. Rorty R. *Sluchaynost', ironiya i solidarnost' [Contingency, Irony, and Solidarity]*. Moscow, 1996. 282 p. ISBN 5-7333-0494-4. (In Russ.).
11. Bogost I. *Remembering Rorty // Ian Bogost. URL: http://bogo.st/1 (accessed: 21.03.2020). (In Engl.).*
12. Meillassoux Q. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti [Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence]*. Ekaterinburg, 2015. 193 p. ISBN 978-5-7525-3069-2. (In Russ.).
13. Bogost I. *We Think in Public // Ian Bogost. URL: http://bogo.st/k (accessed: 21.03.2020). (In Engl.).*
14. Bergson H. *Sobraniye sochineniy [Collection works]*. In 5 vols. St. Petersburg, 1914. Vol. 5. 224 p. (In Russ.).
15. Rorty R. *In Defense of Eliminative Materialism // Review of Metaphysics*. 1970. Vol. 24, no. 1. P. 112–121. (In Engl.).
16. Morelle L. *Speculative Realism: After Finitude, and Beyond? // Speculations*. 2012. Vol. III. P. 241–272. (In Engl.).
17. Wolfendale P. *Eliminativism and the Real // Deontologistics. URL: http://goo.gl/eNqd4 (accessed: 21.03.2020). (In Engl.).*
18. Rorty R. *Response to Robert Brandom // Rorty and His Critics / Ed. R. Brandom. Oxford: Blackwell, 2000. P. 183–190. ISBN 978-0631209829; 0631209824. (In Engl.).*
19. Harman G. *O zameshchayushchey prichinnosti [About substitute causality] // Novoye literaturnoye obozreniye. Novoye Literaturnoye Obozreniye*. 2012. No. 2 (114). P. 75–90. (In Russ.).
20. Freud S., von Sacher-Masoch L., Deleuze G. *Venera v mekhakh. Predstavleniye Zakher-Mazokha [Venus in Furs. Sacher-Masoch Performance]*. 1992. P. 189–314. ISBN 5-8334-0007-4. (In Russ.).

21. Meillassoux Q. Excerpts from L'Inexistence divine // Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making / G. Harman. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 175–218. ISBN 9780748693450; 9780748699957. (In Engl.).

MOROZOV Artem Vladimirovich, Junior Researcher,
Department of Social Philosophy.
Address for correspondence: morozov.socphil@yandex.ru

For citations

Morozov A. V. Neopragmatism and Speculative Realism // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 129–136. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-129-136.

Received March 23, 2020.

© **A. V. Morozov**